Шелковый путь

Екатерина ДМИТРИЕВСКАЯ

Сегодня работа нового отдела СТД РФ – Центра поддержки русских театров за рубежом растет и ширится. Регулярными стали командировки московских, и не только московских, критиков, собирающих информацию с мест. На деле же, как в старые времена, поездки не исчерпываются сбором информации, они сопровождаются подробными обсуждениями спектаклей, тем общением, что по-прежнему необходимо многим коллективам. Естествен и процесс обмена, в столице начались регулярные гастроли коллективов из бывших республик. Редактору "ЭС" посчастливилось поехать в самую первую командировку, организованную Центром – в Таджикистан.

Русский театр имени Вл. Маяковского в Душанбе расположен на центральном проспекте Рудаки, рядом с роскошным Дворцом правительства с фонтаном и садом. Неподалеку находится недавно отреставрированное и отремонтированное нарядное здание Национального театра имени Лахути. Может быть, именно соседство рождает бросающийся в глаза контраст. Хотя фасад Русского театра подновлен (был сделан косметический ремонт), но стоит завернуть за угол и увидеть здание с торца, чтобы убедиться, как оно обветшало и как давно нуждается в капитальном ремонте. Если вспомнить историю, то следует заметить, что специального здания у русского драматического никогда не было, он с самого начала размещался в клубе, оборудованном под театр. Зрительный зал, с потертыми креслами, слабым освещением и стенами "со следами былой красоты", свидетельствует о том, что капитального ремонта здесь не было давно, а именно больше 30 лет. К сказанному следует добавить, что допотопное, звуковое и световое оборудование появилось в театре в 1962-м и с тех пор не обновлялось.

Театр, как семья, хранит предания. Русский драматический гордится тем, что во время Отечественной войны в нем помещался эвакуированный из Ленинграда легендарный Театр Комедии во главе с Н.П.Акимовым. И сегодня гостям показывают кабинет завлита, где во время войны должность заведующего литературной частью исполнял Евгений Львович Шварц. По преданию, в этом кабинете он писал пьесу "Дракон". Не нужно обладать пылким воображением, чтобы представить себе, что испытали ленинградцы-блокадники, очутившись в Сталинабаде (так в советские времена назывался Душанбе). "Мы пережили чудо сталинабадской весны, – писал Шварц, – началась она в феврале и до того дружно, что я, отвыкший от юга, все умилялся. Шел апрель, а окна были открыты и тянуло в них теплом. Как во дворце ты чувствуешь избыток высоты, избыток блеска, праздничность, доведенную до религиозной силы, так и здесь ты ощущал избыток богатства в непривычной глубине и черноте неба и в количестве звезд. И как ни посмотришь в окно, все тепло, все мерцают звезды, нет отказа..." Быть может, не окажись драматург в столь поразивших его обстоятельствах (дело тут не только в природе и погоде, но и в том, что в эвакуации в Сталинабаде оказался цвет интеллигенции – ученые, врачи, ставшие фанатами театра, объединенные общей судьбой "дети разных народов" общались, устраивали дружеские вечеринки, на свободная и непринужденная атмосфера согревала, давала творческий импульс), не появилась бы на свет замечательная пьеса, давно ставшая классикой.

Я очутилась в Душанбе осенью, когда в Москве тепла уже никто не ждал, и тоже наслаждалась неожиданной возможностью ненадолго пережить жаркое лето, увидеть огромные, столетние платаны, цветущие деревья и кусты. В перерыве между спектаклями хозяева отвезли меня в горы, чтобы показать кусочек "шелкового пути" – картину неправдоподобно величественную, так что легко верилось в то, что из-за поворота увидишь войска Александра Македонского и его самого на преданном Буцефале.

Однако обратимся к временам не столь отдаленным. В конце 80-х годов прошлого века, после известных политических событий, начался исход из Русского театра. Валерий Ахадов вместе с лучшими артистами труппы – С.Курбановым, Ф.Муминовой и другими – уехал в Магнитогорск. Пришедший ему на смену режиссер Никита Ширяев пробыл в Душанбе менее двух сезонов и покинул театр, прихватив с собой остатки труппы. Таким образом, Русский театр фактически был обескровлен и его историю необходимо было начинать с нуля. Сегодня в театре работает, в основном, молодежь – выпускники Таджикского Государственного Института искусств имени Мирзо Турсун-заде и актерской студии, созданной при театре. Средний возраст труппы – 28 лет.

Сегодня во главе театра стоит директор Сухроб Мирзоев (он закончивал театроведческий факультет ГИТИСа) и главный режиссер Султан Усманов (также выпускник ГИТИСа по специальности "режиссура музыкального театра") и директор и главный – люди преданные театру, и во многом благодаря им в коллективе ощущается творческая, рабочая атмосфера. Театр не получает "постановочных" и на новые спектакли должен зарабатывать сам. Впрочем, как говорит директор, главная задача – обеспечить артистов сносной зарплатой.

В принципе никакое самое прекрасное материальное обеспечение не является гарантией появления на сцене шедевров. Привлекательной стороной программы Русского драматического театра является интересный, необычный репертуар. Достаточно упомянуть такие названия, как "Макбетт" Ионеско, "Калигула" Камю, "Мандрагора" Маккиавелли, чтобы убедиться, что интересы режиссеров здесь явно преобладают. Правда, из русской классики в афише присутствуют лишь "Маленькие трагедии" А.С.Пушкина (критику они показаны не были). Дефицит русской драматургии, как классической, так и современной – налицо, впрочем, руководство объясняет это положение оторванностью от Москвы, неготовностью молодой труппы играть классику, невозможностью получить на месте информацию о новых пьесах, как и сами эти пьесы, и так далее.

Тем не менее, две постановки так или иначе представляли русскую литературу – "Закат" Исаака Бабеля и "А зори здесь тихие" Бориса Васильева.

"Закат" создан на основе популярного в свое время мюзикла А.Журбина и А.Эппеля, но дополнен прозой Бабеля, текстами из Ветхого Завета и "Песни Песней". Режиссер С.Усманов постарался уйти от полублатной, одесской жанровой стихии, нередко доминирующей в постановках "Заката", и рассказать историю не только семейства Криков, но историю еврейского народа в России. Важной ролью становится бедный мудрец Арье-Лейб в исполнении талантливого молодого артиста Х.Мустафаева (в его уста вложены библейские тексты, о которых говорилось выше). История распада семьи Менделя Крика в интерпретации театра напоминает "Поминальную молитву" Григория Горина. Музыкальные номера не становятся дивертисментными, режиссер умело выстраивает драматургию, где текст спаян с музыкой. Музыка в спектакле – "живая", скрипачка то и дело появляется в окне, по очертаниям напоминающим шестиконечную звезду, рояль звучит за сценой.

Молодая труппа пластична и музыкальна, все роли исполняются без микрофонов. В спектакле есть добротные актерские работы – Ф.Рахмоновой (Мирдза), Р.Черных (Сонька), Д.Мурзинова (Ваня Крика), Бедерского (Ш.Рахматуллаев). К сожалению, гораздо слабее другие выглядят Мендель Крик в исполнении И.Гриценка, спешащим нечетко произнесенный перевод от первого лица и мощи хозяина Бендюжника в жалкую стариком, запугиваемую детьми. Кроме играет сита. Одна из лучших ролей спектакля – Сонька-Шкафор в исполнении Р.Гуссейнова, артист играет драматичные ситуации Крика "на доску".

Бедность Русского театра проявляется прежде всего в оформлении спектаклей. Так, например, "А зори здесь тихие" оформлены как любительский спектакль, на сцене висят плоские "тряпочные" березки (по замыслу режиссера, каждая из них – символ жизни девушек-зенитчиц, перед смертью они закутываются в такую березку-полотнище). Между тем, сыран спектакль с неподдельной искренностью, он трогает, волнует, вызывает в зале сочувствие и слезы. В спектакле – слаженный ансамбль и работы Д.Мурзинова (Васков), как и Ф.Рахмоновой, М.Дадаевой, М.Ярмолик, Н.Маматбековой и Р.Черных, подкупают серьезностью, нервом, пониманием поставленных режиссером Усмановым задач (он же автор инсценировки).

Можно всячески приветствовать появление в афише "Мандрагоры" – редкого гостя на наших сценах, но, к сожалению, и в этом случае – оформление спектакля кажется дежурным. В центре сцены висит занавес в виде сердечка, сделанный в откровенно-китчевой манере, корейские цветочные гирлянды напоминают дизайн дешевых кафе. Хотя в глубине сцены задник представляет собой вид Венеции. Разностильность преобладает и в музыкальном оформлении, звучат ария Неморино из "Любовного напитка", песенка Герцога из "Риголетто", фрагменты "Травиаты" и "Севильского цирюльника". "Мандрагора" Маккиавелли играется как средневековая комедия с элементами комедии дель арте и, как ни странно, смысл спектакля сводится к формуле автора: "цель оправдывает средства". У великого итальянца в пьесе есть сарказм. Театр же отказывается от каких-либо моральных оценок поведения персонажей. В "Мандрагоре" Каллимако – искатель наслаждений, а вовсе не влюбленный юноша, каким он выглядит в спектакле.

Без сомнения, самым значительным событием репертуара является "Калигула" Камю, одна из последних премьер. Здесь, кстати, минималистское оформление, состоящее из античной колонны в центре сцены и окаймляющих сцену абрисов колонн из белых шнуров, создают верную среду. Пространство малой сцены освоено гармонично и по способу существования актеров. Здесь никто не плюсует, все играют в благородно сдержанной манере. Стержень спектакля – Калигула (Хуршед Мустафаев), существо экстатическое, нервное и глубоко несчастное. В чем-то главный герой похож на персонажей Достоевского с их раздвоенностью сознания. Театр не смакует зверств Калигулы, его порочность. Максимум того, что позволяют себе режиссер и художник – выпустить Калигулу в черном женском бюстгальтере в одной из наиболее откровенных сцен. Смысл спектакля в том тумане, в который загнал себя император, мечтавший о свободе и безнаказанности. Он жаждет смерти, и его смерть в финале дает зрителю ощущение катарсиса. Из актерских удач выделим работы Р.Гуссейнова (Херея) и Ш.Рахматуллаева (Сципион). Спектакль имеет явный успех у публики, в основном, молодой, что не может не радовать. Директор и главный режиссер считают свой театр всем доступным и интеллигентной публикой – студентом, старшеклассником, преподавателем, врачом, инженером.

Проблем у Русского театра много, и главная из них – дефицит свежих режиссерских сил, молодых художников. Одно из важных направлений работы нового Центра СТД – создание постановочных трупп, выезжающих на места. Такой путь, без сомнения, мог бы помочь русской драме Душанбе не вернуться в собственному соку. Возможно, и об этом шла речь на подробном обсуждении спектаклей труппы, есть смысл в том, чтобы встречи со столичными критиками стали регулярными.

● Снимки из спектакля "А зори здесь тихие".